

Дом в Брюсовском переулке

Дом этот цел и поныне. Расположен он на тихой улице Неждановой, а во времена советского здесь жилая переулочка и имел порядковый номер 12. Добротную кирпичную коробку построили в 1928 году. Мало кто из сегодняшних москвичей знает, что это первый кооперативный жилой дом в городе, возведенный при новой власти. Именно тогда родились широко известная аббревиатура — ЖКС. Владелец квартир в престижном доме были люди сплошь знаменитые — актеры, режиссеры, музыканты, деятели. Четырехкомнатную квартиру под номером 11 на втором этаже занимал Всеволод Эмильевич Мейерхольд.

В момент вселения в новый дом Мейерхольд купался в лучах мировой славы. Он был руководителем театра, носившего его имя. Мейерхольд знал как Сталин, так и Новый свет. В репетиционном зале при его появлении помощник режиссера командовал: «Встать! Мастер идет!». Для театра на Триумфальной площади начали строить огромное новое здание.

Под стать большому, знавшему себе цену художнику была и его жена. Она подала ослепительной красотой. Когда супруги выходили из подъезда, все вокруг замирали в восхищении. Зинаида Николаевна Райх знала не только как красавицу, но и как талантливого актрису, игравшую главные роли в спектаклях ее мужа. Подлинным чудом дома «Дама с камелиями» по Александру Дюма. Вся культурная Москва ходила на этот спектакль с несравненной Зинаидой Райх в главной роли, чтобы поплакать над старинной сентиментальной историей красивой любви, которой уже не было в окружающей жизни.

Актриса вышла замуж за Мейерхольда в 1922 году. До того она была женой Сергея Есенина. От их брака родились двое: Татьяна и сын Костя. Всех приятелей большая квартира в Брюсовском, где находилось место и для покойной домработницы Лидии Анисимовны Чарнецкой, взытой отсюда до из-под Витбеска.

Кроме квартиры в Москве, купленной Всеволодом Эмильевичем за свои деньги, он имел еще трехкомнатную квартиру в Ленинграде, в красивом новом доме на набережной реки Карповки. Знаменитому режиссеру было удобно иметь свой угол в северной столице, поскольку он часто бывал там, когда ставил свои спектакли.

В живописном поселке Горенки под Москвой Мейерхольды имели дом с большой террасой. Хотя его использовали как дачу, но, по сути, это был самый настоящий жилой дом. Райх купила его в 1926 году на деньги, полученные от издания четырехтомного полного собрания сочинений Есенина — Тана и Костя по суду были признаны наследниками имущества великого поэта. Купчая была оформлена на детей, которые проводили в Горенках все лето под присмотром бабушки и дедушки — родителей Зинаиды Николаевны.

Долгое время ничто не омрачало счастливой жизни Мейерхольдов. Даже пресловутый квартирный вопрос, который тогда мучил многих москвичей, не беспокоил их. Неприятности начались в 1937 году, когда «Правда» напечатала статью «Юноша, чуждый народу». Мейерхольд подвергся жестокой критике за формализм в творчестве, обвинялся во вредном влиянии на советских режиссеров и в задержании развития всего театра по пути социалистического реализма. Режиссера обвинили в проводимом враждебных антинародных тенденциях, искажающих классическое наследие. Волонтеры, спектакль «Земля дыбом», поставленный в 1923 году, он не случайно посвятил «презренному врагу народа Троцкому».

Удар по театру Мейерхольда был не единственным и не выпадал из общего контекста развернувшейся в тот период борьбы с формализмом. Осужденные дома «Леди Макбет Мценского уезда» Д. Шостаковича, теперь вот пришла очередь театра Мейерхольда предположить, что его детище с театром Революции и звать там должность рядового режиссера. Мастер наотрез отказался. Результат — статья в «Правде» и немедленное закрытие его театра.

Замерла стройка на Триумфальной площади. Был получен приказ: все работы прекратить. Мейерхольд тяжело переживал случившееся: новое здание театра возводилось по проекту, который предусматривал немало технических новшеств, оригинальных усовершенствований. И вот ни театра, ни любимой работы, ни будущего. Режиссер сидел дома мрачнее тучи. Не звонил телефон, не навещали гости.

Пришла беда — отворяй ворота. Расстроенная жена сообщила, что арестовали отца Володи. Волода — зять. Его отец, Иван Иванович Кутузов, был довольно известным в партийной среде деятелем, состоял членом Президиума ВЦИК. Через две недели забрали Володиму маму. Через зятя разстроили мать, заочили в тюрьму на восемь лет. В сентябре 1938 года уехали и Волода, студента института им. Баумана, а также его старшего брата Ивана, работавшего инженером. Правда, в мае 1939 года их отпустили: не хватало, наверное, доказательств, чтобы учечь в тюрьму.

Крик в ночи

Печаль и уныние поселились в некогда веселой и шумной одинокой квартире на втором этаже добротного дома в Брюсовском переулке.

Испытывал сильнейшее нервное потрясение, связанное с закрытием театра, где она была ведущей актрисой, и опалой Зинаидой Райх. Мейерхольд, который так любил свою жену, был вынужден покинуть театр. Она осталась одна. В сентябре 1938 года уехали и Волода, студента института им. Баумана, а также его старшего брата Ивана, работавшего инженером. Правда, в мае 1939 года их отпустили: не хватало, наверное, доказательств, чтобы учечь в тюрьму.

Однако не будем опережать события. После высылки Зинаиды Николаевны нигде не работала, в основном сидела дома, нигде не ходила. Не заехала к дочерям и родителям в Горенки, иногда там ночевала. В Москве принимала только близких родственников. Правда, с конца июня 1939 года ее начали навещать некий Николай Николаевич, хозяйка дома темная, но с большой готовностью к нему. Раз за раз Татьяна Сергеевна заставляла его у матери, они разбирали какие-то бумаги.

И все. Актриса ни с кем больше не общалась, вела затворнический образ жизни.

САМЫЕ ГРОМКИЕ УБИЙСТВА В Москве

В. Мейерхольд на фоне портрета Зинаиды Райх.

А мастер? Его пригласил к себе Станиславский, который руководил оперным театром. Мейерхольд работал и в Ленинграде, где в свое время поставил «Ликовую даму» Чайковского — спектакль сумеречных и трагических настроений. Мейерхольд был учеником Станиславского, а последний имел официальный статус главной фигуры советского театрального искусства. Однако покровительство Станиславского вскоре прекратилось вместе с его смертью в 1938 году.

Театральный Ленинград души не чаял в опального мастера, и мастер отвечал городу взаимностью. Всеволод Эмильевич с радостью брался за любую работу, которую ему там предлагали. Организовывал и массовые мероприятия — все-таки хоть какое-то дело, отвлекающее от мрачных мыслей.

Получив очередное предложение помощи физкультурному институту имени Лесгафта подготовить праздничный спортивный парад, Мейерхольд засобирался в дорогу. 15 июня 1939 года он сел на ленинградский поезд.

20 июня в его ленинградскую квартиру на набережной Карповки, дом 13, позвонили. Было около шести часов утра. Гостей в такую рань вроде бы не приглашали. Мейерхольд вопросительно посмотрел на находившихся в квартире сестру жены и ее мужа — артиста В. Пшенина, служившего в театре транспорта после закрытия театра Мейерхольда, в котором Пшенин был секретарем партийной организации. Родственники недоумоменно пожали плечами.

Открывал пошел Мейерхольд. В прихожую вошли трое. Одним из них Мейерхольд знал — это был командант домработницы — это был командант домработницы. О профессиональной принадлежности остальных догадаться было нетрудно. Удостоверившись, что перед ним именно гражданин Мейерхольд Всеволод Эмильевич, они предъявили ордер на обыск в квартире и арест ее хозяйки.

Поблуднейший режиссер молча наблюдал, как вошедшие перерывались содержимое шкафов и комодов. Обыск продолжался около двух часов. После него арестованного отвезли на казенной машине во внутреннюю тюрьму Управления государственной безопасности УНКВД. По дороге конвоиры настороженно следили за каждым движением человека, санкцию на арест которого подписал в Москве сам Берия. Наверное, крупная птица, думали они, если звонок в Ленинград об аресте исходил от Кобулова, начальника следственной части НКВД. Такие большие люди молчаливо занимались не будут, следовательно, арестованного можно ожидать всяких фокусов. Однако опасения сопровождавших были напрасны: 65-летний арестованный словно онемел и подался молча в угол.

Обыск в тот же день проводился одновременно и в московской квартире Мейерхольда в уже знакомом нам Брюсовском переулке, и в рабочем месте в оперном театре имени К. Станиславского, и на даче в Горенках. В отличие от мужа, откровенно смотревшего на то, как работницы НКВД переворачивают все вверх дном, Зинаида Николаевна бурно выражала свое возмущение. Она даже добилась (неслыханное дело!), чтобы в протоколе обыска в графе «Заявленные жалобы» была отражена — притом самой обвиняемой! — крайняя грубость и дерзость сотрудников НКВД, производивших обыск. А их было аж пять человек!

Райх сделала им внушение: кроме двоих, они должны были пригласить еще одного постороннего лица в качестве второго понятного. Неправильно, что обыскиваются ее личные вещи — ордер выписан на мужа! Неправильно, что обыск проводится в его отсутствие. Неправильно, что изымают ее сберкнижку. Каждый изыятый папке с бумагами надо сделать отдельный опись.

Во время обыска в квартире находились сын Райх, девятнадцатилетний студент Константин Есенин, и их домработница Чарнецкая. Дочь Татьяна, которой тогда исполнилось 21 год, вместе с ребенком и мужем проживала на даче в Горенках. Там же проводили лето ее бабушка и бабушка — родители матери. Обыск в Горенках прошел довольно быстро. Двое знаменитых согласились взять с собой Татьяну в Москву, поскольку они намеревались заехать на квартиру в Брюсовском переулке. Когда Татьяна поднималась на второй этаж к матери, обыск еще не закончился.

Что обнаружил в ходе столь многотрудных усердных поисков? Письмо Зинаиды Райх на имя Сталина на 11 листах, письмо Ежову, заявление на имя прокурора РСФСР В. Пшенинского. Все эти документы были изытаны при обыске. Однако содержание их неизвестно — в уголовном деле они отсутствуют. Высказываются предположения, что впоследствии их уничтожили.

Незапертая балконная дверь

Произведя обыск и изыма показавшиеся ему важные материалы, работницы НКВД перед уходом из квартиры опечатали две комнаты — кабинет Мейерхольда и примыкающую к кабинету переднюю.

Никто из жильцов в тот момент не вспомнил, что дверь, ведущая из кабинета на балкон, осталась незапертой. Летом

Сегодня «Вечерка» открывает новую рубрику, под которой намерена опубликовать цикл материалов о дерзких преступлениях, державших в напряжении весь город. Многие из них и по сей день остаются нераскрытыми. Много тайн в деле об убийстве актрисы Зинаиды Райх — жены Сергея Есенина, а потом Всеволода Мейерхольда.

Нож с кривым лезвием

ее обычно не запирали, и потому на эту деталь не обратили внимания. К тому же кабинет опечатали, а к дверям прислонили громоздкий сервант из передней. В кабинет ходу теперь не было. Зинаида Николаевна и ее дети, потресанные известием об аресте мужа и отца, а также сценой обыска, было не до какой-то там открытой балконной двери, оставшейся за опечатанным кабинетом.

И незапертая — именно через эту дверь спустя несколько минут после полуночи в квартиру проникли убийцы Зинаиды Николаевны.

В публикациях об этом таинственном происшествии, а они впервые появились лишь в самом конце восьмидесятых годов и имели преимущественно обвинительный уклон в адрес НКВД, выделялись действительно необычные обстоятельства обыска и опечатывания кабинета Мейерхольда, не закрыли и тем более не заперли балконную дверь?

По мнению авторов периода горбачевской перестройки и гласности, специализировавшихся на обличении преступлений сталинской системы, приехавшие с обыском в Брюсовский переулок эндемисты не могли не видеть, что к балкону квартиры почти вплотную примыкает неказистое одноэтажное строение, с крышей которого перемакнули на две отдельные комнаты. Версия вполне правдоподобная, непонятно лишь одно — кто и для чего должен был продвигать этот путь. Кто-то они должны были его перекрыть? Обыск произведен тщательно, все, что представляло интерес для следствия, изыто. Даже в самом подозрительном месте — под кроватью — предположительно, что кто-то из черз балкона вернется в опечатанный кабинет.

Впрочем, факт оставшийся открытым: балконной двери может иметь самое триггерное объяснение. Обширная квартира была четырехкомнатной, с двумя противоположными выходами на лестничную площадку, и ее габариты, конечно же, не могли не произвести впечатления на проводивших обыск.

Сегодня об этом приходится лишь гадать, потому что известные факты и события сильно политизированы и до сих пор носят конъюнктурный характер. В одних источниках утверждается, например, что спустя несколько дней после обыска и опечатывания кабинета, как раз накануне убийства, квартиру посетили двое незнакомцев. Татьяна Сергеевна Есенина в письме в Политбюро ЦК КПСС в 1988 году назвала этот приход страным. По ее мнению, пришедшие во второй раз были из числа тех, кто производил обыск 20 июня. Вместе с тем Татьяна Сергеевна делает существенное уточнение: сама она их не видела, была на даче в Горенках. Она также сообщает, что были опечатаны еще две комнаты.

Цель опечатывания комнат в квартире

Эпилог

Точное место захоронения Мейерхольда стало известно недавно: Донское кладбище, общая могила № 1. В 1955 году его посмертно реабилитировали, а обвинение объявили сфальсифицированным.

Зинаиду Николаевну Райх похоронили на Ваганьковском кладбище. Ее убийцы не найдены до сих пор.

Последним подозреваемым по этому делу был проживавший в том же доме солист Большого театра Союза ССР Дмитрий Головин. Его арестовали в 1943 году. Однако подтверждено, что этого преступления он не совершал. Тем не менее Головина осудили на десять лет лишения свободы за шпионаж. Наказание он отбывал и умер в 1966 году в Анапе.

В 1988 году Генеральный прокурор СССР А. Сухарева и члены комиссии Политбюро ЦК КПСС М. Соломенцев, А. Яковлев, А. Лукьянов доложили М. Горбачеву об итогах проверки заявления Т. С. Есениной: «В настоящее время лиц, виновных в убийстве Райх З. Н., установить не представляется возможным».

М. Горбачев с таким заключением согласился.

Мейерхольда не вызывает сомнения — они подождали изотопу и последующему заселению, что изотопу и произошло. Через месяц после убийства Зинаиды Райх квартиру разделили на две отдельные, благо она имела два обособленных входа. В каждой появились свои жильцы. Неопечатанной осталась большая проходная комната. Надо полагать, ее оставили за хозяйкой.

Постороннему визиту эндемистов накануне убийства Райх ее публикаторы придают исключительно важное значение. Из всех лиц, занимавшихся этим делом, самое авторитетное, несомненно — советский историк В. Рязанов, работавший во время проверки в 1988 году письма Т. С. Есениной помощником прокурора Москвы.

Посещение квартиры двумя незнакомцами описано им так. Представившись сотрудниками НКВД, они под предлогом проверки, не нарушена ли печать на кабинете режиссера, осмотрели квартиру. Было ощущение, что они выжидали, что где-то находится, кроме хозяйки, Константин, сын Зинаиды Николаевны, уехал к бабушке в село Константиновское Рязанской области. Дочь Татьяна находилась на даче в Горенках. В квартире, кроме Райх, оставалась лишь домработница Чарнецкая. Пришедшие вскрыли комнату Мейерхольда, подошли к балконной двери, которую не закрыли во время обыска. Работницы НКВД, осмотрев все внимательно, кабинет снова опечатали и не закрыв его на ключ внутреннего замка, удалились.

Неужели готовили ночное проникновение через балкон? Убийцы следовали к

жертве по кабинету, дверь которого, выключая, была не заперта на ключ. Предусмотрительно? Визит был реконструирован?

О тех двоих уже никто никогда не расскажет. Их видели, с ними общались хозяйка квартиры и домработница. Одна убита, второй тоже нет в живых. Тупик. Письмо Т. С. Есениной в Политбюро пространное и довольно сбивчивое. Ей было 70, когда взялся за перо. Сумбурность, переосмысления — балкан-то ведь был открыт! Судя по следам, которые оставили убийцы, они не очень-то беспокоились, что их могут идентифицировать. Сыщики из МУРа, занимавшиеся расследованием, обнаружили на ящиках с бумагами, оставшимися после обыска, множество отпечатков пальцев. Преступники рылись в ящиках с какой-то целью, известной только им. Искали ценности? Наследники нарочно, чтобы направить следствие в ложную сторону, создать впечатление у сыщиков, будто здесь побывали грабители-дилетанты?

Из кабинета Мейерхольда злоумышленники проследовали в комнату, где за столиком, придя из ванной, сидела Зинаида Николаевна. В ту ночь она долго не ложилась спать, ломала голову, как жить дальше.

Трудно сказать, кто испугался больше — хозяйка или ворвавшиеся злоумышленники. По идее, они должны были рассчитывать на то, что она спит. Иначе какой смысл проникать в квартиру? С другой стороны, неужели со двора не было видно освещенное окно? Или преступники и в самом деле были жалкими дилетантами, пошедшими на дело без сколько-нибудь серьезной подготовки?

Увидев перед собой незнакомую откуда взявшуюся незнакомую хозяйку, наверное, испуганный ворвался. Один из ворвавшихся схватил ее за руки. Зинаида Николаевна, по свидетельству ее дочери, была физически очень сильной и, скорее всего, оказала яростное сопротивление. О том, что борьба была отчаянной, свидетельствовали сдвинутая с места мебель, поваленные стулья, разбрызганная по комнате кровь. Очевидно, поняв, что с хозяйкой не управятся голыми руками, второй сообщник ударил ее ножом. На теле несчастной было обнаружено семнадцать ножевых ранений груди и одно — шеи.

Звуки борьбы и крики разбудили домработницу. Вскочив с постели в своем закутке, она бросилась по коридору в направлении шума и тоже закричала от страха, не понимая, что там происходит. Когда она порвалась с дверью хозяйской комнаты, навстречу метнулся чья-то минута к ней косясь на нее. Спустя несколько секунд схватилась за голову, по которой больно саданули чем-то острым. Кровь залила лицо, но Лидия Анисимовна успела заметить: человек, только что нанесший ей удар, помчался мимо, повернул ручку французского замка и выбежал из квартиры.

Свидетельства домработницы подтвердились следами, которые уберхавший преступник оставил на стенах вдоль лестницы между вторым и первым этажами. Он бежал, отталкиваясь для скорости ладонью, и ее отпечатки на штукатурке были пропитаны кровью. Второй сообщник покинул квартиру тем же путем, которым и вошел, — через балкон. На это указывали обнаруженные кровавые следы его бегства.

Лидия Анисимовна нашла в себе силы

квартиру через балкон, к которому примыкала крыша одноэтажного нежилого строения. Дверь балкона, как мы знаем, была не заперта — то ли случайно, то ли с умыслом — с 20 июня, когда в квартире производился обыск, и кабинет Мейерхольда опечатали.

Перемахнув через перила балкона, преступники оказались в опечатанном снаружи и тоже незапертом кабинете, пустовавшем 25 суток. Естественно, за это время он покрывался пылью — балкон-то ведь был открыт! Судя по следам, которые оставили убийцы, они не очень-то беспокоились, что их могут идентифицировать. Сыщики из МУРа, занимавшиеся расследованием, обнаружили на ящиках с бумагами, оставшимися после обыска, множество отпечатков пальцев. Преступники рылись в ящиках с какой-то целью, известной только им. Искали ценности? Наследники нарочно, чтобы направить следствие в ложную сторону, создать впечатление у сыщиков, будто здесь побывали грабители-дилетанты?

Из кабинета Мейерхольда злоумышленники проследовали в комнату, где за столиком, придя из ванной, сидела Зинаида Николаевна. В ту ночь она долго не ложилась спать, ломала голову, как жить дальше.

Трудно сказать, кто испугался больше — хозяйка или ворвавшиеся злоумышленники. По идее, они должны были рассчитывать на то, что она спит. Иначе какой смысл проникать в квартиру? С другой стороны, неужели со двора не было видно освещенное окно? Или преступники и в самом деле были жалкими дилетантами, пошедшими на дело без сколько-нибудь серьезной подготовки?

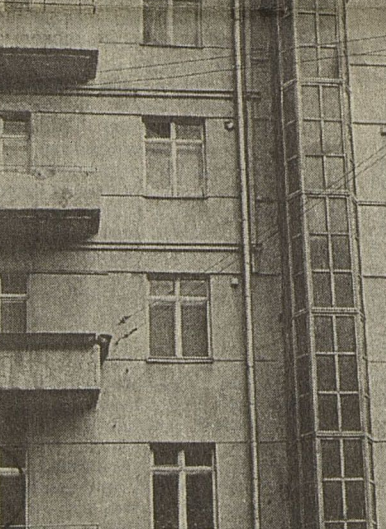
Увидев перед собой незнакомую откуда взявшуюся незнакомую хозяйку, наверное, испуганный ворвался. Один из ворвавшихся схватил ее за руки. Зинаида Николаевна, по свидетельству ее дочери, была физически очень сильной и, скорее всего, оказала яростное сопротивление. О том, что борьба была отчаянной, свидетельствовали сдвинутая с места мебель, поваленные стулья, разбрызганная по комнате кровь. Очевидно, поняв, что с хозяйкой не управятся голыми руками, второй сообщник ударил ее ножом. На теле несчастной было обнаружено семнадцать ножевых ранений груди и одно — шеи.

Звуки борьбы и крики разбудили домработницу. Вскочив с постели в своем закутке, она бросилась по коридору в направлении шума и тоже закричала от страха, не понимая, что там происходит. Когда она порвалась с дверью хозяйской комнаты, навстречу метнулся чья-то минута к ней косясь на нее. Спустя несколько секунд схватилась за голову, по которой больно саданули чем-то острым. Кровь залила лицо, но Лидия Анисимовна успела заметить: человек, только что нанесший ей удар, помчался мимо, повернул ручку французского замка и выбежал из квартиры.

Свидетельства домработницы подтвердились следами, которые уберхавший преступник оставил на стенах вдоль лестницы между вторым и первым этажами. Он бежал, отталкиваясь для скорости ладонью, и ее отпечатки на штукатурке были пропитаны кровью. Второй сообщник покинул квартиру тем же путем, которым и вошел, — через балкон. На это указывали обнаруженные кровавые следы его бегства.

Лидия Анисимовна нашла в себе силы

квартиру через балкон, к которому примыкала крыша одноэтажного нежилого строения. Дверь балкона, как мы знаем, была не заперта — то ли случайно, то ли с умыслом — с 20 июня, когда в квартире производился обыск, и кабинет Мейерхольда опечатали.

Дом на улице Неждановой, где жила семья Всеволода Мейерхольда.

Муж убийцы, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, находился под следствием в тюрьме на Лубянке и обвинялся в активной шпионской работе, направленной против СССР. Сегодня с высоты наших дней можно сколько угодно ориентироваться по поводу тогдашних обвинений режиссера в том, что он троцкист и японский шпион, предположив, что в тридцатые годы следователя, которого под расписку просветили, что убийство Зинаиды Райх могло быть осуществлено сообщниками ее мужа. Сообщниками?

Третьего января 1938 года японская супружеская пара нелегально пересекла советско-японскую границу на Сахалине. В тот же день нарушители были задержаны советскими пограничниками и переданы в НКВД. «Супруг» признался, что он шпион, по имени не назвал, японским генеральным штабом. Цель переброя — связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. В том числе и в отношении товарища Сталина. Это нелепое обвинение впоследствии не подтвердилось.

Надо ли описывать душевное состояние следователя, которого посетили в государственную тайну особой важности? Не забудьте, что расследование происходило в период резко обострившихся советско-японских отношений, приведших к боевым действиям на Хасане и Халхин-Голе. Так что версия об устранении Зинаиды Райх сообщниками разоблаченного мужа-шпиона выглядела вполне правдоподобно. Ликвидировать опасную свидетельницу могли и с помощью засланных уполномоченных.

Чего греха таить, имела место и такая версия. Загадочное преступление истолковывали, да и сейчас продолжают истолковывать, как покушение на СССР японскими шпионами. Отец убийцы, персональный пенснер Николай Андреевич Райх, считал, например, что преступление совершено с единственной мародерской целью — завладеть квартирой, а все многочисленные слухи и подозрения понабродили, чтобы замести следы. Говорят и о том, будто после трагедии в трехкомнатную квартиру въехала чья-то пассивная молодая и красивая, а в однокомнатную — шифер Берия с семьей. Как помнит читатель, четырехкомнатную квартиру Мейерхольдов в Брюсовском переулке разделили на две отдельные.

Случилось это уже в октябре 1939 года. Мейерхольд был еще жив и томился на Лубянке в ожидании суда, который приговорил его к расстрелу с конфискацией всего лично ему принадлежавшего имущества 1 февраля 1940 года.

Убийство Зинаиды Николаевны Райх случилось в ночь с 14 на 15 июля 1939 года. Напавших было двое. Они проникли в

Однако дышать свежим деревенским воздухом домработнице пришлось недолго. В Горенки приехал сотрудник МУРа и уезжал с ее собой. Не Лидия Анисимовна сыщики возлагали большие надежды: домработница была единственной живой свидетельницей преступления.

Смогут ли она опознать тех, кто убил хозяйку?

Свидетели и обвинители

Дело об убийстве актрисы Райх вел МУР. По подозрению были задержаны и допрошены около 20 человек.

К сожалению, домработница Чарнецкая не оправдала надежд сыщиков. Она ничего не запомнила — было темно, все произошло внезапно, в одно мгновение, среди глубокой ночи.

Дальнейшая судьба этой женщины теряется в потоках предположений. По версии помощника прокурора Москвы В. Рязанова, занимавшегося проверкой письма Т. С. Есениной в 1988 году, домработницу Чарнецкую отправили в лагерь — было наказание, неизвестно за что ему полагалось. Сама же Татьяна Сергеевна свидетельствует: Лидию Анисимовну держали в тюрьме (наверное, все же в следственном изоляторе. — Авт.) около двух месяцев. Вернулась измученной, но с чем не рассказывала сыщикам. Несколько дней уехала на родину в Витебск.

Допрашивали и Татьяну Сергеевну — в качестве свидетеля. В последний раз она видела мать за несколько часов до убийства — вечером 14 июля. На Петровке ей показали, судя по всему, орудие убийства — большой складной нож с кривым лезвием — и спросили, знаком ли он ей. «Нет», — ответила она. Эту штуку она и впрямь видела впервые.

В отчаянии мужа Татьяну Сергеевну и его старшего брата Ивана следствием сочло необходимым избрать в качестве меры пресечения арест и содержание под стражей. Устраивали очные ставки с домработницей Чарнецкой на предмет опознания в Иване Кутозове того самого человека, который выбежал ей навстречу и ударил острым предметом по голове. Мужа Татьяны Сергеевны не отпустили из-под стражи в течение четырех месяцев, подвергая строгим допросам.

Впрочем, пересечение всех допрошенных по этому делу заняло бы слишком много места. Поэтому ограничимся именами выше названных ближайших родственников, что свидетельствует об искреннем стремлении следствия докопаться до истины, и перейдем сразу к результатам. Они оказались нулевыми.

Последним, кто видел актрису в ту роковую ночь до прихода убийцы, был все тот же таинственный молодой человек, зачастую и к ней косясь на нее. Спустя несколько часов после того, как Татьяна Сергеевна покинула квартиру в Брюсовском переулке и поехала к себе в Горенки, к Зинаиде Николаевне снова пожаловал тот самый юноша. По свидетельству домработницы, он ушел из комнаты Райх не раньше чем в первом часу ночи. Татьяна Сергеевна тоже вспоминала — то ли в тот приезд, то ли раньше мать говорила, будто она попросила его продать свои золотые швейцарские часы и еще кое-какие вещи.

Однако молодой человек словно в воду канул. Он исчез бесследно вместе с ценностями, которые дала ему для продажи Зинаида Николаевна. Наводчик? Исполнитель? Организатор? Вполне вероятно, особенно если учесть, что преступник, нанеся удар по голове домработнице, не только превосходно ориентировался в квартире, несмотря на темноту, и знал, где входная дверь, но и что она мгновенно открывалась благодаря французскому замку. Это обстоятельство указывает на то, что преступник был знаком с устройством замка в предположении, что без соучастия, сознательного или невольного, дело не обошлось, отсюда и повышенное внимание ко всем, кто был вхож в квартиру.

Спустя полвека проверявшие это дело по поручению Политбюро эксперты нашли бытовую версию убийства весьма вероятной. Прошли десятилетия, улеглись страсти, появилась возможность всматриваться в трагедию без предвзятых, незадолгополитизированных взглядов, и перед специалистами открылись изымы тогдашнего слишком политизированного следствия. Хотя надо отдать должное муровцам: они и тогда не исключали, что в квартире побывали грабители-дилетанты с улицы в надежде хорошо поживиться, но непредвиденные обстоятельства помешали, потому и остались нетронутыми вещи, включая шкатулку с украшениями актрисы, о стоимости которых ходили легенды. Мейерхольды не сомневались, что Зинаида Николаевна, ее отчаянное сопротивление, которого они никак не ожидали от женщины, и потому вынужденные были пустить в ход нож; может, спугнула проснувшаяся домработница. А может, то и другое вместе.

И все же общая атмосфера жизни второй половины тридцатых годов — подозрительность, шпиономания, доносите-ство — несомненно, сказались на расследовании этого убийства. Сыщики ведь тоже живут по законам своего времени. А оно было непростое.

Муж убийцы, Всеволод Эмильевич Мейерхольд, находился под следствием в тюрьме на Лубянке и обвинялся в активной шпионской работе, направленной против СССР. Сегодня с высоты наших дней можно сколько угодно ориентироваться по поводу тогдашних обвинений режиссера в том, что он троцкист и японский шпион, предположив, что в тридцатые годы следователя, которого под расписку просветили, что убийство Зинаиды Райх могло быть осуществлено сообщниками ее мужа. Сообщниками?

Третьего января 1938 года японская супружеская пара нелегально пересекла советско-японскую границу на Сахалине. В тот же день нарушители были задержаны советскими пограничниками и переданы в НКВД. «Супруг» признался, что он шпион, по имени не назвал, японским генеральным штабом. Цель переброя — связаться со шпионом Мейерхольдом и совместно проводить диверсионные операции. В том числе и в отношении товарища Сталина. Это нелепое обвинение впоследствии не подтвердилось.

Надо ли описывать душевное состояние следователя, которого посетили в государственную тайну особой важности? Не забудьте, что расследование происходило в период резко обострившихся советско-японских отношений, приведших к боевым действиям на Хасане и Халхин-Голе. Так что версия об устранении Зинаиды Райх сообщниками разоблаченного мужа-шпиона выглядела вполне правдоподобно. Ликвидировать опасную свидетельницу могли и с помощью засланных уполномоченных.

Чего греха таить, имела место и такая версия. Загадочное преступление истолковывали, да и сейчас продолжают истолковывать, как покушение на СССР японскими шпионами. Отец убийцы, персональный пенснер Николай Андреевич Райх, считал, например, что преступление совершено с единственной мародерской целью — завладеть квартирой, а все многочисленные слухи и подозрения понабродили, чтобы замести следы. Говорят и о том, будто после трагедии в трехкомнатную квартиру въехала чья-то пассивная молодая и красивая, а в однокомнатную — шифер Берия с семьей. Как помнит читатель, четырехкомнатную квартиру Мейерхольдов в Брюсовском переулке разделили на две отдельные.

Случилось это уже